

# ОКО ПОЛУНОЧИ

Aleksey Nik

Хранители империи

Aleksey Nik

**Око полуночи**

«Автор»

2026

**Nik A.**

Око полуночи / А. Nik — «Автор», 2026 — (Хранители империи)

Спустя два года после петербургских потрясений следователь Пётр Вершинин и его жена, этнограф Аглая Стрешнева, ждут первенца, когда с верховьев далёкой Печоры приходит тревожная депеша: в глухой тайге бесследно исчезают охотники, а единственный уцелевший свидетель утверждает о загадном Оке, что смотрит из-под земли и забирает всех, кто осмелится потревожить его покой. Расследование приводит супругов к древнему коми-зырянскому урочищу, где под снегом скрывается страж границы между миром живых и миром иным — и к остаткам Братства Медного Круга, вновь взявшимся за старое ремесло подчинения чужих сил. На этот раз нити заговора тянутся выше, чем когда-либо прежде, — вплоть до самой императорской фамилии, и цена ошибки как никогда высока. Вторая, завершающая книга дилогии, начатой романом «Медный облик Петербурга»: мистический детектив, стимпанк и семейная драма о том, что подлинная сила — не в подчинении древних тайн, а в уважении к ним.

© Nik A., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                                 |    |
|-------------------------------------------------|----|
| Пролог. Деша из Усть-Цильмы                     | 5  |
| Глава первая. Совет старого следователя         | 8  |
| Глава вторая. Долгая дорога                     | 10 |
| Глава третья. Слова обезумевших                 | 12 |
| Глава четвёртая. Приезжие геологи               | 14 |
| Глава пятая. Педор Канев                        | 16 |
| Глава шестая. Благословение Ондreja Степановича | 18 |
| Глава седьмая. Путь сквозь тайгу                | 20 |
| Конец ознакомительного фрагмента.               | 21 |

# Aleksey Nik

## Око полуночи

### Пролог. Депеша из Усть-Цильмы

Отдел по делам тайных обществ и мистических явлений при Особой следственной канцелярии занимал во флигеле трёхэтажного здания на Гороховой всего две комнаты — тесные, заставленные шкафами с папками, что множились с каждым месяцем куда быстрее, чем позволяло пространство. Пётр Аркадьевич Вершинин, вот уже полтора года возглавлявший этот отдел, давно смирился с теснотой, полагая её меньшим злом по сравнению с прежней теснотой собственного неведения о том, какие силы порой скрываются за самыми обыденными петербургскими происшествиями.

В то мартовское утро тысяча восемьсот девяносто пятого года снег на Гороховой уже начинал оседать грязными, ноздреватыми кучами вдоль тротуаров, а с Невы тянуло сырым, обманчиво весенним ветром, когда на стол Вершинина легла депеша, доставленная срочной эстафетой из уездного города Усть-Цильма, что затерялся где-то в верховьях далёкой северной реки Печоры.

— Ваше высокоблагородие, — доложил Гаврюшин, входя в кабинет с телеграфным бланком в руке, — из Усть-Цильмы. Тамошний исправник просит содействия Канцелярии — дело, по его словам, «выходящее за пределы обычного полицейского разума».

Вершинин отложил перо и протянул руку за депешей.

— Читайте вслух, Никита Фомич, у вас это выходит быстрее моего.

Гаврюшин, за полтора года службы в отделе успевший из робкого просителя превратиться в уверенного, хотя и по-прежнему почтительного помощника, откашлялся и начал читать:

— «Исправнику Усть-Цилемского уезда стало известно о серии загадочных исчезновений среди печорских промысловиков близ урочища, именуемого местными жителями Полуночным Оком. За минувший месяц пропало без вести четверо охотников, тела не найдены, а последний из пропавших, старик Аникей Пименов, чудом выбравшийся из тайги живым, но повредившийся рассудком, твердит о некоем "оке", что глядит из-под земли и забирает тех, кто осмеливается тревожить покой урочища. Учитывая специфический характер происшествия, ходатайствую о направлении сведущего в подобных делах чиновника для расследования на месте».

Вершинин долго молчал, глядя на бланк депешы, а в памяти его невольно всплыло имя, произнесённое почти два года назад в камере предварительного заключения человеком, чья карьера в Братстве Медного Круга закончилась столь бесславно.

— Крамской, — произнёс он вслух. — Он упоминал это название на допросе. Око Полуночи, урочище в верховьях Печоры.

— Помню, ваше высокоблагородие, — кивнул Гаврюшин. — Тогда мы решили, что это дело для будущего, не для того дня.

— Похоже, будущее наступило раньше, чем мы предполагали, — заметил Вершинин, поднимаясь из-за стола и подходя к окну, за которым по Гороховой медленно тащилась гружёная углём телега, влекомая парой лошадей, привычных к городской суете куда больше, чем к безмолвию северной тайги.

В этот момент дверь кабинета отворилась без стука — так, как позволяла себе входить единственная во всей Канцелярии женщина, чьё присутствие в стенах этого сурового ведомства уже давно никого не удивляло.

— Пётр Аркадьевич, — сказала Аглая Романовна, снимая на ходу шубку и присаживаясь на край стола с той непринуждённостью, что была ей свойственна ещё с их первой встречи, — швейцар сказал, вам пришла депеша с севера. Неужели наконец объявилось то самое Око, о котором столько времени молчали архивы?

Вершинин невольно улыбнулся — жена его, помимо прочих достоинств, обладала и удивительным чутьём на важные новости, а быть может, попросту хорошо изучила выражение его лица за полтора года совместной жизни.

— Оно самое, Аглая Романовна. Исправник Усть-Цилемского уезда просит нашего содействия — исчезают охотники, а единственный уцелевший свидетель повредился рассудком, твердя о некоем оке, что глядит из-под земли.

Аглая тут же посерьёзнела, вся её лёгкость сменилась знакомой Вершинину сосредоточенностью учёного, почуявшего запах подлинной тайны.

— Печора, — задумчиво повторила она. — Земли коми-зырян, а ещё севернее — ненецкие кочевья. Совсем иная мифология, чем у вожан на Ояти, но, полагаю, не менее древняя и не менее опасная для тех, кто сунется в неё без должного уважения.

— Вы уже что-то слышали об этом урочище?

— Слышала краем уха, — призналась Аглая, — от одного из корреспондентов Императорского географического общества, с которым состою в переписке. Он упоминал легенду о некоем оке, что смотрит на мир из-под полуночной звезды и карает тех, кто нарушает границы дозволенного знания. Я тогда не придавала этому значения, полагая обычным местным поверьем, вроде тысяч прочих, что записаны в моих архивах.

— Теперь, судя по всему, придётся придать этому куда большее значение, — сказал Вершинин, вновь берясь за депешу. — Собирайтесь, Аглая Романовна. Полагаю, нам предстоит новое путешествие — на этот раз куда дальше, чем берега Ояти.

Аглая, услышав это, не смогла сдержать лёгкой, взволнованной улыбки — той самой, что появлялась на её лице всякий раз, когда очередная тайна древних преданий манила её сильнее самого предусмотрительного благоразумия.

— А как же... — начала она, невольно опутив взгляд на собственный уже заметно округлившийся живот, — как же наша дочь, Пётр Аркадьевич? Доктор говорит, до родов остаётся не более двух месяцев.

Вершинин на мгновение замялся, ощутив знакомую тяжесть выбора между служебным долгом и заботой о семье, — выбора, что не раз вставал перед ним за годы службы, но теперь приобретающего особую, куда более личную остроту.

— Полагаю, — сказал он наконец медленно, — в столь деликатном положении вам разумнее остаться в Петербурге, Аглая Романовна, покуда я отправлюсь в Усть-Цильму с предварительным осмотром. Как только прояснится характер угрозы, я немедленно телеграфирую о дальнейших действиях.

Аглая, услышав это предложение, нахмурилась с той решительностью, что Вершинин уже успел изучить как безошибочный признак приближающегося несогласия.

— Пётр Аркадьевич, — сказала она твёрдо, — я понимаю ваше беспокойство, и ценю его. Но два месяца до родов — не приговор к затворничеству, а разумная осторожность, которую я вполне способна соблюсти и в дороге, если поездка не потребует, подобно прошлой, ночных погонь по заснеженному лесу. К тому же, — добавила она с лукавой, но непоколебимой улыбкой, — кто, помимо меня, сумеет разобрать печорские предания и не позволить вам вновь, как в истории с Северцевым, недооценить силу, с которой вы имеете дело?

Вершинин долго смотрел на жену, взвешивая её доводы против собственной тревоги, а затем, признавая справедливость сказанного — и, чего таить, собственную беспомощность перед её непреклонностью, — со вздохом кивнул.

— Хорошо, Аглая Романовна. Но при одном условии: как только положение станет опасным, вы немедленно возвращаетесь в столицу, не дожидаясь моих уговоров.

— Согласна, — тут же ответила Аглая, и в глазах её мелькнуло уже знакомое Вершинину предвкушение нового, полного тайн путешествия.

Гаврюшин, наблюдавший за этим коротким, но выразительным диалогом супругов, позволил себе робкое замечание:

— Ваше высокоблагородие, а меня возьмёте с собой на этот раз? Полагаю, лишние руки в подобном деле никогда не помешают.

Вершинин задумался, оценивая, насколько молодой помощник, обретший за минувшие полтора года немалый опыт, готов к путешествию, что, судя по одной лишь тревожной депеше, обещало быть не менее опасным, чем их прежние северные приключения.

— Возьму, Никита Фомич, — решил он наконец. — Полагаю, отделу по делам тайных обществ пришла пора доказать, что имя своё он носит не для одной лишь красоты канцелярской вывески. Собирайте вещи, все трое — выезжаем послезавтра. Путь до Печоры неблизкий, а Око Полуночи, боюсь, не намерено ждать нашего удобства.

**КОНЕЦ ГЛАВЫ**

## Глава первая. Совет старого следователя

Прежде чем отправиться в столь дальнюю и неопределённую поездку, Вершинин почёл своим долгом заехать в Коломну — не столько за практическим советом, сколько за тем душевным напутствием, что неизменно умел давать старый учитель, каким бы обыденным или, напротив, пугающим ни казалось новое дело.

— Печора, — задумчиво протянул Крутицын, выслушав рассказ о депеше из Усть-Цильмы. — Далёкий край, Пётр, куда как дальше твоей прежней Ояти. Признаться, о тамошних преданиях мне известно немного — Братство Медного Круга, покуда я имел несчастье соприкасаться с его делами, интересовалось преимущественно землями поближе к столице.

— Значит, вам ничего не известно об Оке Полуночи? — с некоторым разочарованием спросил Вершинин.

— Кое-что известно, — возразил старик, — хоть и обрывочно. В архивах, что я в своё время успел просмотреть, мельком упоминалось о некоем печорском урочище, интересовавшем Мирошина ещё в молодые годы, — но, сколько помню, дело тогда не пошло дальше первоначальной разведки: то ли местные жители оказали слишком упорное сопротивление, то ли сама природа урочища отпугнула тогдашних агентов Братства сильнее, чем строптивость Аполлона Игнатьевича Северцева.

— Природа урочища? — переспросила Аглая, внимательно слушавшая разговор. — Что вы имеете в виду, Аполлинарий Егорович?

Крутицын пожал плечами с видом человека, чьи сведения слишком скудны, чтобы делать уверенные заключения.

— Точно не скажу, барыня. Помню лишь одну фразу из старого донесения агента Братства, посланного тогда на разведку: «место сие не терпит взгляда, обращённого к нему с корыстью». Больше в архиве ничего по этому предмету не сохранилось — либо агент погиб, не успев составить подробный отчёт, либо сведения эти изъяли задолго до того, как я получил доступ к архиву.

Вершинин задумчиво побарабанил пальцами по столу, обдумывая скудность этих сведений.

— Значит, отправляемся почти вслепую, — заключил он. — Не самое приятное начало для расследования.

— Не самое приятное, — согласился Крутицын, — но, полагаю, тебе не привыкать начинать дело с меньшим количеством сведений, чем хотелось бы. К тому же, — добавил он, посмотрев на Аглаю с той теплотой, что успел проникнуться к ней за годы знакомства, — на этот раз с тобой едет человек, чьё знание преданий северных народов уже однажды спасло не одну жизнь. Полагаю, и на Печоре её умение слушать землю и её обитателей окажется не менее полезным.

— Благодарю за доверие, Аполлинарий Егорович, — с искренней теплотой отозвалась Аглая. — Постараюсь его оправдать, хоть коми-зырянские предания и не входят покуда в число моих основных изысканий.

— Именно поэтому, — заметил Крутицын, — я бы посоветовал вам обоим по прибытии на место прежде всего отыскать не следствие в привычном смысле — не допрашивать перепуганных охотников с пристрастием следователя, — а найти того, кто способен рассказать о самом урочище на языке предания, а не полицейского протокола. Насильственные методы редко приносят плоды там, где земля хранит память древнее самой империи.

Вершинин кивнул, признавая мудрость этого совета, уже неоднократно подтверждённую опытом их прежнего расследования.

— Хорошо, Аполлинарий Егорович. Мы будем действовать осторожно, прислушиваясь прежде, чем действовать.

Прощаясь с гостями у порога своего дома, Крутицын неожиданно придержал Вершинина за рукав, как и прежде, перед их первой совместной поездкой на Оять.

— Пётр, — сказал он тихо, чтобы Аглая, уже направившаяся к поджидавшим саням, не расслышала, — помни: три года назад ты выучил меня одному важному уроку — что молчание из страха рано или поздно оборачивается против того, кто молчит. Теперь я хочу дать тебе иной совет, не менее важный: не всякая тайна нуждается в разгадке, обнаруженной перед целым светом. Есть тайны, что лучше оставить земле, их хранящей, — особенно теперь, когда у тебя есть жена на сносях и дочь, что вот-вот появится на свет. Умей отличить необходимую справедливость от простого любопытства, способного стоить тебе куда больше, чем ты готов заплатить.

Вершинин долго смотрел на старика, обдумывая эти неожиданно тревожные слова.

— Вы полагаете, Око Полуночи опаснее Хранителя с Ояти?

— Не знаю, Пётр, — честно признался Крутицын. — Но чутьё старика, повидавшего на своём веку немало тёмных дел, подсказывает мне: чем меньше сведений сохранилось о некоей тайне в архивах могущественного общества вроде Братства, тем осторожнее следует к ней приближаться. Возможно, дело там не в отсутствии интереса, а в том, что даже самые бесстрашные агенты предпочли не оставлять письменных свидетельств о том, что они там обнаружили.

Эти слова, произнесённые с несвойственной старику тревогой, ещё долго звучали в сознании Вершинина, покуда сани уносили их с Аглаей обратно в сторону Николаевского вокзала, откуда предстояло начать долгий путь на север — навстречу тайне, что тридцать лет назад отпугнула даже самых решительных слуг Братства Медного Круга.

**КОНЕЦ ГЛАВЫ**

## Глава вторая. Долгая дорога

Путь до Печоры оказался куда более утомительным, чем прежняя поездка на Оять, — от Петербурга до Вологды удалось добраться по железной дороге за двое суток, но далее, от Вологды до Усть-Сысольска, а затем и до самой Усть-Цильмы, приходилось пробираться уже на перекладных, минуя места, где паровая машина ещё не потеснила привычного гужевого транспорта.

— Никогда не думала, что империя настолько велика, — заметила Аглая на четвёртый день пути, кутаясь в тёплую шаль поверх дорожного платья, покуда сани медленно продвигались по едва накатанному тракту среди густого, местами непроходимого леса. — В Петербурге, среди паровых карет и электрических огней, легко забыть, сколь много земель за пределами столицы по-прежнему живут в ритме, что не менялся веками.

— Полагаю, именно в этом контрасте и заключается истинный облик нашей империи, Аглая Романовна, — отозвался Вершинин, придерживая жену за руку на очередном ухабе. — Столица рвётся вперёд, к паровым машинам и электричеству, а окраины хранят прежний уклад — не по отсталости, а, быть может, по мудрости, недоступной торопливому столичному уму.

Гаврюшин, ехавший в соседних санях вместе с немногочисленным багажом экспедиции, то и дело сверялся с картой, раздобытой через Императорское географическое общество ещё в Петербурге.

— Ваше высокоблагородие, — крикнул он, когда сани ненадолго остановились для смены лошадей на очередной почтовой станции, — по карте выходит, что от Усть-Цильмы до самого урочища ещё вёрст сорок вверх по реке, а зимней дорогой туда не всякий ямщик отважится.

— Значит, придётся искать проводника на месте, — заключил Вершинин, разминая затёкшие от долгой езды плечи.

Аглая, воспользовавшись остановкой, извлекла из дорожного саквояжа потрёпанную тетрадь — копию переписки с географом, упоминавшим печорские предания, — и погрузилась в изучение немногочисленных пометок, сделанных ею ещё в Петербурге.

— Судя по этим сведениям, — сказала она, когда сани вновь тронулись в путь, — коми-зыряне, населяющие верховья Печоры, чтят некоего духа-хранителя, именуемого Ен-Ичет — "младшим сыном неба". По преданию, он охраняет границу между миром живых и миром потусторонним, а урочище, что местные называют Оком Полуночи, полагают одним из немногих мест на земле, где эта граница истончается настолько, что через неё можно увидеть — или быть увиденным.

— Быть увиденным кем? — с невольной тревогой уточнил Гаврюшин.

— Преданиях об этом говорится туманно, — призналась Аглая. — Одни толкуют, что через Око смотрит сам Ен-Ичет, оценивая достоинство тех, кто приближается к границе. Другие — что оттуда смотрит нечто менее благожелательное, некая сила, что коми-зыряне предпочитают не называть по имени, дабы не привлечь её внимания понапрасну.

Вершинин, слушая это, невольно вспомнил слова Крутицына о том, что "место сие не терпит взгляда, обращённого к нему с корыстью".

— Полагаю, — сказал он, — люди Братства Медного Круга тридцать лет назад как раз и обратили к этому месту взгляд, полный корысти, а урочище, судя по скудности сохранившихся сведений, не слишком благосклонно отнеслось к подобному вниманию.

— Боюсь, — тихо добавила Аглая, — что и нынешние исчезновения охотников могут быть связаны с чем-то похожим — быть может, кто-то из местных или пришлых людей вновь потревожил границу неподобающим образом, и урочище, как и прежде, ответило на это по-своему.

К исходу седьмого дня пути, когда усталость от долгой дороги начинала сказываться даже на неизменно бодром расположении духа Гаврюшина, экспедиция наконец достигла Усть-Цильмы — небольшого, но оживлённого по местным меркам городка, раскинувшегося на высоком берегу Печоры, чьи воды, скованные крепким зимним льдом, тянулись на север, к тем самым таинственным верховьям, где, по слухам, скрывалось Око Полуночи.

Исправник, встретивший их у единственной в городе гостиницы, оказался немолодым, усталым человеком с явными следами бессонных ночей на измождённом лице.

— Слава Богу, дождались, — сказал он, пожимая Вершинину руку с неподдельным облегчением. — Признаться, ваше высокоблагородие, я уже начал сомневаться, придёт ли вообще помощь из столицы — места у нас глухие, депеши идут долго, а тем временем...

Он не договорил, но по его тревожному взгляду Вершинин понял: за время пути на север что-то произошло.

— Что случилось, покуда мы были в дороге? — быстро спросил он.

Исправник тяжело вздохнул.

— Пропал ещё один человек, ваше высокоблагородие. На этот раз не промысловик, а сам урядник, посланный мною для проверки урочища три дня назад. Ушёл с двумя стражниками — вернулись только двое, оба в состоянии, весьма схожем с тем, в каком нашли старика Пименова: живы, но рассудком повреждены, и о судьбе урядника не могут сказать ничего вразумительного.

Аглая и Вершинин обменялись тревожными взглядами.

— Где сейчас эти стражники? — спросил Вершинин. — Мне необходимо переговорить с ними как можно скорее.

— В городской больнице, ваше высокоблагородие, — ответил исправник. — Только предупреждаю: то небольшое, что они способны сказать, звучит настолько дико, что я сам засомневался в их рассудке ещё прежде, чем врач подтвердил моё подозрение.

— Мы привыкли к дикости, — мрачно заметил Вершинин, вспоминая ледяную полынью на Неве и капище на реке Оять. — Ведите нас к ним немедленно.

**КОНЕЦ ГЛАВЫ**

## Глава третья. Слова обезумевших

Городская больница Усть-Цильмы оказалась скромным, деревянным зданием на две палаты, где кроме двух стражников, о которых говорил исправник, лежал ещё и старик Пименов — тот самый охотник, что первым принёс весть о таинственном урочище.

— Осторожнее, ваше высокоблагородие, — предупредил земский врач, невысокий, усталый человек в некогда белом, а теперь изрядно застиранном халате, — все трое в крайне возбудимом состоянии. Малейшее упоминание урочища или того, что они там видели, вызывает у них приступы неконтролируемого страха.

Вершинин кивнул, входя в палату вслед за Аглаей, покуда Гаврюшин остался снаружи, ведя протокол предстоящего разговора.

Один из стражников, молодой, но уже совершенно седой парень, сидел на койке, обхватив колени руками, и раскачивался взад-вперёд с монотонностью, свойственной людям, чей рассудок пытается защититься от невыносимого воспоминания.

— Как вас зовут? — мягко спросил Вершинин, присаживаясь рядом.

Стражник долго не отвечал, а затем прошептал едва слышно:

— Фёдор... Фёдор Кузьмич...

— Фёдор Кузьмич, я следователь из Петербурга, прислан разобраться в том, что случилось с вами и урядником. Можете рассказать, что вы видели у урочища?

При упоминании урочища стражник вздрогнул всем телом, а взгляд его заметался по палате, будто в поисках несуществующего укрытия.

— Не смотрите на него... не смотрите... — забормотал он. — Оно смотрит в ответ, коли на него посмотришь...

— Что смотрит, Фёдор Кузьмич? — тихо, но настойчиво спросила Аглая, присаживаясь с другой стороны.

— Око... — прошептал стражник. — Огромное, чёрное, посреди леса, будто прореха в самой земле, а из глубины его — свет, холодный, синий, будто зимняя звезда упала под землю и там застряла.

— А что случилось с урядником? — спросил Вершинин.

Стражник вновь задрожал, на этот раз сильнее.

— Он подошёл ближе... хотел рассмотреть получше, для донесения... а Око... Око моргнуло. Моргнуло, будто веко у него было, огромное, каменное веко, и когда открылось снова — урядника уже не было. Ни следа, ни крика — только сам он исчез, будто его там никогда и не было.

Вершинин и Аглая обменялись мрачными взглядами — рассказ этот, при всей своей фантастичности, поразительно напоминал обстоятельства гибели Северцева на Неве: внезапное, необъяснимое исчезновение, оставляющее после себя лишь недоумение и ужас свидетелей.

— Фёдор Кузьмич, — продолжила расспросы Аглая, — вы можете описать, как выглядело само урочище? Были ли там какие-либо знаки, резные изображения, следы древних построек?

Стражник задумался, явно силясь вспомнить детали сквозь пелену пережитого ужаса.

— Камни там были, барыня... высокие, вроде столбов, расставленные кругом, а посреди — то самое Око. И ещё... — он замаялся, — ещё снег там не лежит, вот что странно. Кругом сугробы по пояс, а на самой поляне у Ока — голая земля, будто тёплая, хоть мороз и трещал в тот день лютый.

Это последнее замечание заинтересовало Вершинина особо — тёплая земля посреди зимнего леса представлялась деталью, куда более пригодной для рационального расследования, чем мистические прорехи и каменные веки.

— Благодарю вас, Фёдор Кузьмич, — сказал он, поднимаясь. — Вы очень нам помогли.

Второй стражник, куда старше по возрасту, оказался ещё менее разговорчив — он лишь беспрестанно крестился, бормоча обрывки молитв, и на все вопросы отвечал лишь испуганным мотанием головы, так что Вершинин, не желая усугублять его и без того тяжёлое состояние, вскоре оставил дальнейшие расспросы.

Старик Пименов, первым принёсший весть об урочище, оказался неожиданно более собранным, чем оба стражника, — то ли возраст и жизненный опыт позволяли ему справляться с пережитым ужасом лучше молодых служивых, то ли миновавшие с момента происшествия недели немного притупили остроту потрясения.

— Вижу, не сидится столичным господам на месте, — заметил он с невесёлой, но отчётливо ироничной усмешкой, когда Вершинин и Аглая подошли к его койке. — Знать, депеша моя всё же дошла куда следует.

— Дошла, — подтвердил Вершинин. — Расскажите нам, Аникей, всё, что помните об урочище, — как можно подробнее.

Пименов долго молчал, собираясь с мыслями, а затем заговорил — медленно, но на удивление связно для человека, чей рассудок, по словам исправника, был серьёзно повреждён пережитым.

— Охотился я там сызмальства, ваше высокоблагородие, — начал он. — Места глухие, но добычливые — соболю, куница, порой и лось забредает. Урочище же то само — место особое, деды наши его стороной обходили, а мы, по молодости да по жадности до пушнины, порой всё же захаживали, коли зверь в ту сторону уводил.

— Значит, вы бывали там прежде, до нынешних происшествий? — уточнила Аглая.

— Бывал, барыня, не единожды, — кивнул старик. — И скажу вам: прежде место это было тихим, безобидным — просто поляна среди леса, круг камней, да пятно голой земли посреди снега. Странное, да, а всё ж не злое. А нынешней зимой всё переменялось.

— Что именно переменялось? — быстро спросил Вершинин.

— Свет, ваше высокоблагородие, — ответил Пименов. — Прежде на поляне той было просто пусто, лишь камни да голая земля. А тому месяца два как забрёл я туда по старой памяти — гляжу, а посреди поляны свет пробивается из-под земли, синий, холодный, будто там, в глубине, звезду кто-то закопал. Испугался я тогда, поспешил уйти, да только с той поры, слышал, и другие охотники стали пропадать — видать, любопытство их сгубило, потянулись поглядеть на диковину, да не воротились.

Вершинин почувствовал, как в его сознании начинает складываться первая, пока ещё смутная гипотеза о происходящем.

— Аникей, — сказал он, — вы говорите, свет появился лишь два месяца назад, хотя само урочище известно вашему роду с незапамятных времён. Значит, произошло нечто, разбудившее это место — подобно тому, как некое действие способно разбудить спящую до поры силу.

Пименов задумчиво кивнул, соглашаясь с этим предположением.

— Может, и так, ваше высокоблагородие. Только кто ж мог его разбудить, коли место то испокон веков люди стороной обходили?

Этот вопрос, при всей своей простоте, представлялся Вершинину ключевым для всего дальнейшего расследования, — и ответ на него, судя по всему, предстояло искать не в стенах усть-цилемской больницы, а непосредственно у самого таинственного урочища, сколь бы опасным ни было подобное путешествие.

**КОНЕЦ ГЛАВЫ**

## Глава четвёртая. Приезжие геологи

Покинув больницу, Вершинин распорядился немедленно собрать сведения обо всех посторонних, кто мог появляться в окрестностях Усть-Цильмы за последние месяцы, — рассуждая, что пробуждение древней силы едва ли произошло само по себе, без внешнего вмешательства.

— Ваше высокоблагородие, — доложил исправник, вернувшись к вечеру того же дня с толстой конторской книгой под мышкой, — по записям постоялого двора, зимой к нам приезжала партия геологов — с виду люди учёные, снаряжение при них было солидное, буровые инструменты, ящики с образцами. Назвались представителями некоего "Северного горнопромышленного товарищества", искали, по их словам, месторождения меди в верховьях реки.

При слове "меди" Вершинин и Аглая невольно переглянулись — совпадение, слишком явное, чтобы счесть его случайным, учитывая название общества, чья тень преследовала их уже второй год кряду.

— Когда именно прибыла эта партия? — быстро спросил Вершинин.

Исправник сверился с записями.

— В конце декабря, ваше высокоблагородие, аккуратно за пару недель до того, как Пименов впервые заметил свечение у урочища.

— А когда партия покинула ваш город?

— В том-то и странность, — нахмурился исправник. — Официально они так и не выехали — постоялый двор числит их постояльцами до сих пор, хотя вот уже три недели никто их не видел ни в городе, ни на самом постоялом дворе.

Вершинин почувствовал, как складывающаяся в его сознании картина обретает всё более тревожные очертания.

— Список этой партии у вас имеется?

Исправник протянул конторскую книгу, раскрытую на нужной странице. Вершинин, пробежав глазами список фамилий приезжих геологов, вдруг замер на одной из них.

— Аглая Романовна, — сказал он тихо, указывая на строку, — взгляните.

Аглая склонилась над книгой и, прочитав указанное имя, побледнела.

— «Инженер-геолог Аркадий Флегонтович Свешников», — прочитала она вслух, а затем перевела встревоженный взгляд на мужа. — Пётр Аркадьевич, это же...

— Отчество то же, что у Крамского, — задумчиво заметил Вершинин. — Совпадение — или намеренная маскировка человека, чьё истинное имя мы уже слышали прежде?

— А ещё, — добавила Аглая, всматриваясь в прочие имена списка, — здесь значится некий "консультант по историческим древностям" — Николай Аверьянович Голенищев-Дубровский. Помните, Пётр Аркадьевич, на суде упоминалось имя действительного статского советника Голенищева, чьё дело так и осталось незавершённым ввиду недостатка прямых улик?

Вершинин почувствовал, как холодная, хорошо знакомая ему по прежнему расследованию ярость поднимается в груди.

— Значит, — сказал он мрачно, — остатки Братства, ускользнувшие от полного разоблачения два года назад, не оставили своих амбиций, а лишь сменили направление поисков — с петербургских архивов на печорскую глушь.

— Но с какой целью? — спросила Аглая. — Если Око Полуночи — действительно нечто вроде Хранителя, только куда более грозное, зачем Братству вновь искушать судьбу после столь сурового урока, преподанного самим Свяжским?

Вершинин долго молчал, обдумывая этот справедливый вопрос.

— Полагаю, — сказал он наконец, — ответ кроется в самой природе людей, подобных остаткам Братства. Урок, преподанный поражением Свияжского, они, весьма вероятно, истолковали не как предостережение против самой идеи подчинения древних сил, а лишь как урок необходимой осторожности — мол, прежде мы действовали слишком грубо, слишком явно, а теперь попытаемся достичь той же цели более тонкими, менее заметными средствами.

— Значит, буровые инструменты и ящики с образцами, — заключил Гаврюшин, до этого молча слушавший разговор, — были лишь прикрытием для истинной цели экспедиции?

— Весьма вероятно, — кивнул Вершинин. — А исчезновение самой партии геологов, равно как и участвовавшие пропажи местных охотников, может означать, что попытка эта, подобно прежним опытам Северцева и Свияжского, вышла из-под контроля тех, кто её затеял.

Аглая, обдумывая услышанное, вдруг заметила с тревогой:

— Пётр Аркадьевич, если Братство действительно вновь пытается подчинить древнюю силу — на этот раз печорскую, — а эксперимент вышел из-под контроля, это означает, что мы, возможно, имеем дело не просто с разбуженным духом-хранителем, но с силой, чья природа уже искажена неумелым, корыстным вмешательством. Подобная сила может оказаться опаснее и непредсказуемее, чем изначальный, неповреждённый Хранитель с Ояти.

Эта мысль, высказанная с профессиональной прямоотой этнографа, заставила всех присутствующих замолчать, обдумывая всю глубину открывающейся перед ними опасности.

— В таком случае, — сказал наконец Вершинин, поднимаясь с решимостью человека, готового встретить опасность лицом к лицу, невзирая на её масштаб, — нам необходимо как можно скорее найти проводника, способного провести нас к самому урочищу, — и молиться, чтобы мы успели вмешаться прежде, чем искажённая сила Ока Полуночи причинит ещё больший вред, чем уже причинила.

— Я знаю одного такого человека, ваше высокоблагородие, — неожиданно подал голос исправник. — Зырянин по имени Педор Канев, лучший следопыт в здешних краях. Правда, услышав о цели вашего путешествия, он, боюсь, может отказаться — коми-зыряне, при всём своём мужестве в обычной охоте, урочище это чтят особо, и не всякий отважится вести туда чужаков.

— Тогда нам придётся его убедить, — твёрдо сказал Вершинин. — Ведите нас к этому Каневу немедленно — время, боюсь, работает не в нашу пользу.

**КОНЕЦ ГЛАВЫ**

## Глава пятая. Педор Канев

Дом зырянина Педора Канева стоял на самой окраине Усть-Цильмы, ближе к лесу, чем к прочим городским постройкам, — невысокая, но крепко срубленная изба, увешанная снаружи многочисленными оберегами из кости и дерева, узор которых показался Аглае смутно знакомым по прежним, вожанским преданиям, хотя и отличался в деталях.

Сам хозяин, невысокий, но жилистый человек неопределённого возраста, с обветренным, изрезанным морщинами лицом истинного таёжного следопыта, встретил гостей настороженно, но без враждебности.

— Исправник сказывал, придут ко мне столичные господа, — сказал он, приглашая их войти. — Про урочище спрашивать будете, знаю уже.

— Именно так, Педор, — подтвердил Вершинин, присаживаясь на предложенную лавку. — Нам нужен проводник, способный довести нас до самого места, где, по словам местных жителей, видели свет из-под земли.

Канев долго молчал, разглядывая гостей с тем задумчивым прищуром, что свойственен людям, привыкшим принимать решения не спеша, взвешивая каждое слово собеседника.

— Не пойду, — сказал он наконец коротко.

— Отчего же? — спросила Аглая, стараясь придать голосу как можно больше уважительной мягкости. — Мы прибыли из самого Петербурга, дабы остановить беду, что уже унесла несколько жизней среди ваших земляков.

— Знаю, барыня, — кивнул Канев, — и сочувствую погибшим всем сердцем. Да только место то не для людей — ни для местных, ни для столичных, никаких. Отцы наши, деды наши испокон веков его стороной обходили, и я обходить буду.

— Педор, — сказал Вершинин, — если мы не остановим то, что происходит у урочища, исчезновения продолжатся — и не только среди охотников, что случайно забредут в опасные места, но, возможно, и среди мирных жителей окрестных селений, если сила эта продолжит набирать мощь.

Канев долго молчал, обдумывая этот довод с явной внутренней борьбой между привычным, унаследованным от предков благоразумием и растущим осознанием реальной опасности.

— А что вы там делать станете, коли я вас доведу? — спросил он наконец. — Воевать с Оком? Оружием его не возмёшь, ваше высокоблагородие, я это знаю точно — сам видал, как урядник со стражниками с ружьями наперевес туда шли, а воротились двое, да не в себе, и без начальника своего.

— Мы не намерены воевать, — вмешалась Аглая. — Я этнограф, изучаю предания северных народов. Быть может, Око Полуночи, подобно иным подобным силам, о которых мне доводилось слышать, нуждается не в оружии, а в понимании — в уважительном, почтительном подходе, каким некогда подходили к нему ваши предки, прежде чем чужаки потревожили его покой неподобающим образом.

Канев, услышав это, впервые за весь разговор взглянул на Аглаю с некоторым подобием интереса, отличным от прежней настороженности.

— Вы про Ен-Ичета знаете? — спросил он с явным удивлением.

— Знаю немного, — призналась Аглая. — Что он хранит границу меж миром живых и миром иным, и что урочище это — одно из немногих мест, где граница эта истончается.

Канев долго смотрел на неё, а затем медленно, неохотно кивнул, будто её познания в местных преданиях перевесили чашу весов в пользу доверия.

— Верно говорите, барыня, — сказал он. — Только не всё так просто, как в книгах пишут. Ен-Ичет не злой дух, не станет он просто так людей губить. А вот коли кто границу ту потревожит неподобающим образом — раскопает, потревожит, попытается силу его подчинить...

— То он и отвечает соответственно, — закончила за него Аглая. — Мы полагаем, Педор, что именно это и произошло — прибывшая зимой партия геологов, что назвалась искателями меди, на деле пыталась подчинить силу урочища собственным корыстным целям, и потревоженный дух ответил на это гневом.

Канев долго молчал, обдумывая услышанное, а затем повернулся к Вершинину с прямым, испытующим взглядом.

— Коли вы, ваше высокоблагородие, действительно намерены не воевать с Ен-Ичетом, а понять его гнев да утихомирить по-доброму, как деды наши умели, — тогда, может, и согласись довести вас. Но при одном условии.

— Каком же? — спросил Вершинин.

— Прежде чем идти к самому урочищу, — сказал Канев, — вам следует испросить дозволения у нашего старейшины, Ондreja Степановича. Он один во всей округе ещё помнит старые обряды почитания, что деды наши совершали, дабы жить в мире с Ен-Ичетом. Без его благословения я вас туда не поведу — не моё это дело решать в одиночку, идти вам туда или нет.

Вершинин, вспомнив собственный опыт общения с Ефимьей Саввишной на далёкой Ояти, невольно улыбнулся — сходство ситуаций, при всём различии северных народов и их преданий, представлялось ему знаком того, что путь к истинному пониманию древних сил повсюду пролегает через одно и то же: уважение к тем, кто хранит память предков.

— Согласны, Педор, — сказал он твёрдо. — Ведите нас к Ондрею Степановичу — полагаю, его мудрость поможет нам подойти к этому делу с должным почтением, а не с той корыстной поспешностью, что уже стоила жизни нескольким несчастным.

Канев, услышав это согласие, впервые за весь разговор позволил себе едва заметную, одобрительную улыбку.

— Хорошо сказано, ваше высокоблагородие. Собирайтесь — до дома старейшины путь неблизкий, а засветло добраться лучше, покуда солнце ещё держится над лесом хоть недолгими часами.

**КОНЕЦ ГЛАВЫ**

## Глава шестая. Благословение Ондreja Степановича

Селение, где проживал старейшина Ондрей Степанович, оказалось небольшим зырянским погостом в нескольких вёрстах от Усть-Цильмы, — десяток изб, разбросанных вдоль замёрзшего притока Печоры, да небольшая деревянная часовня, соседствовавшая, как заметила Аглая с профессиональным интересом этнографа, с куда более древним, резным столбом, увенчанным изображением какого-то зверя — то ли лося, то ли оленя с непропорционально длинными рогами.

— Двоеверие, — тихо пояснила она Вершинину, кивнув на этот столб. — Так этнографы называют сочетание православной веры с прежними, языческими обычаями, что нередко встречается у северных народов, принявших крещение относительно недавно, но не забывших полностью веру предков.

Сам Ондрей Степанович — глубокий старик с длинной седой бородой и удивительно живыми, пронзательными для его возраста глазами — принял гостей у порога собственной избы с той же неспешной, изучающей внимательностью, что и Канев накануне.

— Педор мне уже поведал о цели вашего визита, — сказал он, приглашая всех войти в тёплую, пахнущую дымом и травами горницу. — Столичные гости желают идти к Оку Полуночи.

— Желаем не праздного любопытства ради, Ондрей Степанович, — уточнил Вершинин, — а дабы остановить беду, что уже унесла несколько жизней, включая пропавшего без вести уездного урядника.

Старейшина долго молчал, разглядывая гостей с той же неторопливой основательностью, что и накануне Канев, а затем перевёл взгляд на Аглаю.

— А вы, барыня, — сказал он, — что за интерес у вас к нашим преданиям? Педор сказывал, будто вы кое-что о Ен-Ичете знаете.

— Я этнограф, Ондрей Степанович, — ответила Аглая. — Изучаю верования северных народов не из праздного любопытства, а из искреннего уважения к мудрости, что копилась поколениями прежде, чем столичная наука научилась её замечать. Мне доводилось уже однажды столкнуться с подобной силой — духом-хранителем народа вожан, что живёт близ реки Оять. Тамошняя история завершилась благополучно лишь потому, что мы подошли к делу с должным почтением, а не с корыстным принуждением, как поступили те, кто потревожил покой вашего урочища.

Ондрей Степанович, выслушав этот рассказ, задумчиво огладил бороду.

— Расскажите подробнее об этом деле, барыня, — попросил он. — Хочу понять, действительно ли вы понимаете природу той силы, к которой намерены приблизиться, или же явились сюда с той же слепой самонадеянностью, что и прежние ваши соотечественники.

Аглая, ощущая всю тяжесть этого испытания доверием, подробно, но без лишних прикрас пересказала историю Хранителя с Ояти — от первоначального тщеславия Северцева до окончательного, правильно проведённого обряда возвращения, что позволил успокоить пробуждённую силу, не подчиняя её принуждением.

Старейшина слушал внимательно, не перебивая, а когда рассказ был закончен, долго молчал, обдумывая услышанное.

— Похожая история, — сказал он наконец. — Только наш Ен-Ичет, полагаю, отличен от вашего Хранителя природой своей. Хранитель ваш, судя по рассказу, хранил волю умерших волхвов, передавая её живым. Ен-Ичет же — не вместилище человеческой воли, а страж границы, что отделяет мир живых от мира предков и духов. Задача его не в том, чтобы вести людей, а в том, чтобы не пускать через эту границу то, чему не следует её пересекать — ни в одну, ни в другую сторону.

— Значит, — уточнил Вершинин, — если некая сила из потустороннего мира попыталась бы прорваться в мир живых, Ен-Ичет воспрепятствовал бы этому?

— Именно так, ваше высокоблагородие, — подтвердил старейшина. — И полагаю, именно это и произошло минувшей зимой: приезжие чужаки, желая, по всей видимости, подчинить силу Ока собственной корысти, каким-то образом ослабили или повредили саму границу, что Ен-Ичет призван охранять. Теперь страж наш вынужден сражаться не только с непрошеными гостями, дерзнувшими приблизиться к урочищу, но, быть может, и с тем, что пытается прорваться через ослабленную им границу.

Это объяснение, куда более тревожное, чем первоначальные предположения Вершинина, заставило всех присутствующих ненадолго замолчать, осмысливая всю глубину открывающейся опасности.

— Ондрей Степанович, — сказала наконец Аглая, — что нам следует сделать, дабы не только не навлечь на себя гнев Ен-Ичета, но, быть может, и помочь ему восстановить повреждённую границу?

Старейшина долго молчал, а затем поднялся и, подойдя к небольшому, тщательно оберегаемому сундуку в углу горницы, извлёк оттуда старинный, потемневший от времени костяной амулет в форме оленьей головы с ветвистыми рогами.

— Возьмите это, барыня, — сказал он, протягивая амулет Аглае. — Оберег рода, что передаётся из поколения в поколение хранительницам знания о Ен-Ичете. Он не защитит вас от прямой опасности, но, быть может, позволит Ен-Ичету распознать в вас не корыстного чужака, а человека, пришедшего с честными намерениями.

Аглая бережно приняла амулет, ощущая, как и прежде с амулетом Аполлона Игнатьевича, тяжесть особой, почти сакральной ответственности, что налагает подобный дар.

— А что до самого обряда восстановления границы, — продолжал Ондрей Степанович, — этого я вам точно сказать не могу, ибо сам никогда подобного не совершал, — деды наши хранили эти знания в глубокой тайне, передавая лишь избранным, а последний из тех, кто действительно владел полным обрядом, скончался ещё до моего рождения. Однако помню я одно: в старых сказаниях говорится, что восстановить границу способна лишь жертва по доброй воле — не кровавая, но жертва подлинного, честного намерения, способная убедить Ен-Ичета в искренности пришедших.

— Жертва какого рода? — с некоторой тревогой уточнил Вершинин, невольно вспоминая собственный опыт участия в опасных обрядах, что уже не раз ставил под угрозу его жизнь и благополучие близких.

— Этого, ваше высокоблагородие, я и сам не ведаю в точности, — честно признался старейшина. — Полагаю, ответ на этот вопрос вам предстоит найти уже на месте, у самого урочища, — а быть может, сам Ен-Ичет укажет вам путь, коли распознает в вас достойных доверия людей.

Канев, до этого молча слушавший разговор, поднялся с явной решимостью.

— Что ж, — сказал он, — коли Ондрей Степанович дал своё благословение, я поведу вас к урочищу, как и обещал. Выступать лучше на рассвете — путь неблизкий, а засветло нужно успеть добраться хотя бы до полпути.

Вершинин, обменявшись взглядом с Аглаей, в котором читалась смесь тревоги перед неизвестностью и решимости довести дело до конца, кивнул с твёрдостью человека, уже не раз доказавшего собственную готовность встречать опасность лицом к лицу ради торжества справедливости.

— Хорошо, Педор. На рассвете выступаем.

**КОНЕЦ ГЛАВЫ**

## Глава седьмая. Путь сквозь тайгу

Рассвет над Печорой в конце марта наступал поздно и неохотно, будто само солнце сомневалось, стоит ли пробуждать этот суровый северный край от зимнего сна. Экспедиция — Вершинин, Аглая, Гаврюшин и Канев в качестве проводника — выступила из Усть-Цильмы затемно, покуда исправник, вызвавшийся сопровождать их до половины пути, ещё раз пытался отговорить Вершинина от столь опасного предприятия.

— Ваше высокоблагородие, — говорил он, идя рядом с санями, — может, оставите хотя бы барыню здесь, в городе? Положение её деликатное, а путь неблизкий и, к тому же, весьма небезопасный.

— Благодарю за заботу, — ответила за мужа сама Аглая, прежде чем Вершинин успел вставить слово, — но я уже приняла решение сопровождать экспедицию, и решение это остаётся неизменным. К тому же, — добавила она с лёгкой, но твёрдой улыбкой, — без моего знания преданий вы, боюсь, рискуете допустить те же ошибки, что уже привели к исчезновению стольких людей.

Исправник, признав бесплодность дальнейших уговоров, лишь покачал головой и, простившись у развилки, где санная дорога сворачивала в сторону более обжитых селений, пожелал экспедиции удачи и благополучного возвращения.

Дальнейший путь пролегал уже без накатанной дороги — Канев вёл сани по едва заметным, известным лишь ему самому таёжным приметам, минуя завалы бурелома и предательски тонкий лёд на многочисленных лесных ручьях.

— Далеко ли ещё? — спросил Гаврюшин, поплотнее закутываясь в тулуп от усиливающегося к полудню мороза.

— К вечеру доберёмся до последнего перед урочищем зимовья, — ответил Канев, не оборачиваясь. — Там заночуем, а поутру — уже к самому месту, версты три всего останется.

Аглая, покуда сани медленно продвигались сквозь густой ельник, задумчиво разглядывала окружающий пейзаж — торжественную, суровую красоту северной тайги, столь непохожую на более обжитые, привычные ей южные леса вожанских земель.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.